

**Максим
Взор**

**ИМПЕРАТОР особого
НАЗНАЧЕНИЯ 2**

Максим Взор

Император особого назначения 2

«Автор»

2026

Взор М.

Император особого назначения 2 / М. Взор — «Автор», 2026

14 декабря 1825 года. Сенатская площадь. Восстание подавлено. Крови почти не пролилось. Но для человека, оказавшегося в теле Николая I, это только начало. Он знает будущую историю этой страны. Он помнит, чем заканчиваются тёмные кабинеты, тайные канцелярии и страх перед собственным народом. И он не станет «Жандармом Европы». Он станет архитектором нового государства. Но у мятежа, который не состоялся, есть тени, не растворившиеся в снегу. На подожжённом полковом складе находят обгоревшую бухгалтерскую книгу с масонскими символами и труп чиновника с запиской в руке: «Площадь была только первым кругом». Кто-то не просто знал о восстании заранее. Кто-то его спланировал. И этот кто-то рассчитывал не на победу декабристов, а на их поражение — чтобы испуганный император сам отдал власть в руки теневых хозяев империи.

Содержание

Глава 1. Чёрная печать	5
Глава 2. Пять правд одного мятежа	9
Глава 3. Поэт и Северный брат	13
Глава 4. Ложа, которой нет	18
Глава 5. Диктатор без армии	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Максим Взор

Император особого назначения 2

Глава 1. Чёрная печать

Чёрный дым поднимался над крышами Петербурга, словно кто-то провёл углём по серому зимнему небу.

Я смотрел на него из окна Зимнего дворца и думал, что пожар начался слишком вовремя.

Полковника Гревса задержали меньше четырёх часов назад. Склады опечатали ещё позже. О проверке знали всего несколько человек: я, Сперанский, Бенкендорф, два адъютанта и офицер, доставивший приказ.

Теперь один из складов горел.

Совпадение было возможно.

Но за годы службы я привык считать совпадением только то, что осталось после проверки всех остальных версий.

— Карету подать, — приказал я.

Дежурный адъютант замер.

— Ваше величество намерены ехать к пожару?

— Я намерен увидеть, что именно там пытаются уничтожить.

— Но охрана...

— Возьмём охрану.

— Толпа...

— Не успеет собраться.

Адъютант поклонился и поспешил к двери.

Сперанский остался стоять у стола. В руках он держал ведомость Московского полка — ту самую, согласно которой на складе лежали сотни несуществующих сапог.

— Государю необязательно лично присутствовать при каждой ревизии, — заметил он.

— Государю необязательно делать почти ничего. Для этого у него есть министры, генералы и чиновники.

— Однако вы собираетесь ехать.

— Потому что министры докладывают мне о вещах, которых не существует. Генералы командуют людьми, которых нет в строю. Чиновники принимают товары, не поступившие на склады. Хочу хотя бы раз увидеть всё прежде, чем оно превратится в бумагу.

Сперанский положил ведомость на стол.

— В таком случае позвольте сопровождать вас.

— Вы плохо выглядите в пожарной команде, Михаил Михайлович.

— Зато хорошо читаю документы, которые другие сочтут мусором.

Я не стал спорить.

Через четверть часа мы выехали из дворца.

Бенкендорф догнал нас на середине пути. Он сидел в седле, будто родился там, и даже мороз не мог нарушить спокойствия его лица.

— Склад оцеплен, — сообщил он. — Пожарные команды работают. Огонь начался сразу в двух местах.

— Значит, поджог?

— Или исключительная небрежность.

— Вы верите в небрежность, которая одновременно роняет две свечи в разных концах здания?

— Я верю в человеческую способность совершать глупости. Но в данном случае предпочитаю поджог.

Улица впереди была заполнена дымом. Лошади замедлили шаг. Пахло горелым деревом, мокрой золой и чем-то едким.

Склад стоял в глубине полкового двора. Одна стена уже провалилась внутрь. Люди передавали вёдра, вытаскивали ящики и сворачивали промокшие брезенты. Офицеры кричали одновременно, поэтому никто никого не слушал.

Увидев меня, ближайšie солдаты попытались построиться.

— Не отвлекаться! — приказал я. — Продолжать тушение.

Они вернулись к работе.

Я спешился.

— Где начался пожар?

К нам подбежал закопчённый капитан.

— В канцелярии и у дальней стены, ваше величество.

— Что хранилось у дальней стены?

— Старое обмундирование.

— А в канцелярии?

— Книги учёта, накладные, приёмные акты.

Разумеется.

— Кто обнаружил огонь?

— Караульный. Он услышал треск, а затем увидел дым.

— Посторонние?

— Никого не заметили.

Бенкендорф посмотрел на ворота.

— А кто покинул двор перед пожаром?

Капитан растерялся.

— Не могу знать.

— Почему?

— Смена караула произошла незадолго до возгорания. В журнале должны быть записи.

— Где журнал?

Капитан обернулся к горящему зданию.

Бенкендорф даже не улыбнулся.

Мы подошли ближе. Жар ударил в лицо. Пожарные уже сбили основное пламя, но внутри продолжали тлеть балки.

Из пролома вывели человека. Он кашлял, прижимая к груди обгоревшую книгу.

— Наш писарь, — сказал капитан. — Ермолайцев.

Писарь попытался поклониться, но закашлялся ещё сильнее.

Я взял книгу. Кожаная обложка обуглилась по краям, страницы слиплись от воды.

— Где вы её нашли?

— Под столом... ваше величество.

— Почему полезли внутрь?

Ермолайцев посмотрел на капитана.

— Господин полковник всегда говорил: книги важнее товара.

— Какой полковник?

— Гревс.

Значит, Гревс понимал настоящую цену бумаг.

Я передал книгу Сперанскому.

— Сохраните всё, что можно прочесть.

Из здания донёсся крик.

Двое солдат вынесли человека в чиновничьем мундире. Его уложили на снег. Лицо было покрыто копотью, правая рука прижата к груди.

Лекарь опустил рядом, коснулся шеи и покачал головой.

Бенкендорф присел возле погибшего.

— Знаете его? — спросил я капитана.

— Кажется, служит в интендантском управлении. Фамилия Климов.

— Что он делал на полковом складе?

Ответа не последовало.

Бенкендорф осторожно разжал пальцы погибшего. В руке находился сложенный вчетверо клочок бумаги.

Края обгорели, но середина уцелела.

На бумаге была изображена окружность, внутри которой пересекались циркуль и угольник. Один конец циркуля оказался сломан. Под знаком стояли три чёрные точки.

Ниже виднелась короткая фраза:

«Площадь была только первым кругом».

Сперанский прочитал её через моё плечо.

— Масонский знак, — сказал капитан.

— Похож на масонский, — поправил Сперанский.

— Разве есть разница? — спросил Бенкендорф.

— Между знаком и его изображением — огромная. Крест на бумаге ещё не делает письмо церковным.

Я осмотрел записку.

Чернила выглядели свежими. На обороте проступала чёрная восковая печать. Та же окружность, циркуль с повреждённой ножкой и три точки.

— Климов был масоном? — спросил я.

Бенкендорф поднялся.

— Проверим.

— А Гревс?

— Проверим и его.

— И всех, кто имел доступ к складу.

Бенкендорф убрал записку в кожаную папку.

— Может оказаться, что за хищениями стоит одна из старых лож.

Сперанский покачал головой.

— Может оказаться, что кто-то хочет, чтобы мы так подумали.

Я посмотрел на сгоревшую канцелярию.

Пламя почти погасло. На снегу лежали почерневшие листы. Солдаты собирали их голыми руками, не понимая, что держат доказательства преступления.

— Ничего не выбрасывать, — приказал я. — Даже пепел из канцелярии собрать в отдельные ящики.

Капитан моргнул.

— Пепел, ваше величество?

— Бумага горит неравномерно. Между листами могли сохраниться фрагменты текста.

В моей прежней жизни об этом позаботились бы эксперты. Здесь экспертов не существовало. Их ещё предстояло создать.

Приходилось начинать с капитана, который смотрел на меня так, словно император приказал пересчитать снежинки.

— Вы слышали приказ?

— Так точно!

— Исполняйте.

Я обошёл склад.

У дальней стены пахло керосином или каким-то другим горючим маслом. Две точки возгорания. Уничтоженная канцелярия. Погибший чиновник с запиской в руке.

Слишком аккуратная картина.

Настоящее преступление редко объясняет себя само. Если рядом с телом лежит бумага, сообщающая, кто виноват, первым делом нужно проверить того, кому выгодно, чтобы её нашли.

У ворот появился офицер и доложил Бенкендорфу что-то вполголоса.

— Квартира Климова пуста, — сообщил тот. — Соседи утверждают, что жена и дети уехали три дня назад.

— Куда?

— Не знают.

— Три дня назад, — повторил я. — До выступления на Сенатской площади.

Бенкендорф кивнул.

— Значит, пожар готовили заранее.

— Или Климов заранее знал, что после выступления придётся бежать.

Сперанский всё ещё держал обгоревшую книгу. Он осторожно разделил несколько страниц.

На одной проступили столбцы цифр. Рядом с суммами стояли не фамилии, а знаки: треугольники, точки, маленькие молотки, циркули.

— Здесь не обычная полковая бухгалтерия, — сказал он.

— Тайная касса?

— Возможно.

Сперанский показал последнюю уцелевшую строку.

Напротив значка сломанного циркуля была указана сумма в двадцать тысяч рублей.

В примечании сохранились всего четыре слова:

«На второй круг. После крови».

Я снова посмотрел на тело Климова.

Если запись означала то, чем казалась, кто-то ожидал кровопролития на Сенатской площади. Не допускал его возможность, а заранее выделил деньги на действия после него.

Но крови не случилось.

Я нарушил чужой расчёт.

И теперь люди, составлявшие этот расчёт, заматали следы.

— Александр Христофорович, — сказал я, — усилить охрану арестованных декабристов.

— Опасаетесь, что их освободят?

— Нет. Опасаюсь, что их заставят замолчать.

Ветер бросил нам в лица горсть чёрного пепла.

Вчера я считал восстание подавленным.

Сегодня выяснилось, что мы видели лишь его наружный слой.

Кто-то вывел офицеров и солдат на площадь, заранее зная, что победить они не смогут.

Кто-то рассчитывал на картечь, сотни трупов и последующий страх.

И этот человек всё ещё оставался на свободе.

Глава 2. Пять правд одного мятежа

К утру у меня было пять версий восстания.

Все пять противоречили друг другу.

Согласно первой, солдаты Московского полка вышли защищать законного императора Константина от узурпатора Николая.

Согласно второй, целью было ограничение самодержавия и создание конституционной монархии.

Третья предполагала республику.

Четвёртая — военную диктатуру на переходный период.

В пятой речь шла об убийстве императорской семьи и физическом уничтожении всех возможных наследников.

Если верить показаниям, участники одного выступления не договорились даже о том, какое государство хотели получить после победы.

Я разложил протоколы на столе.

— Это не заговор, — сказал я. — Это несколько заговоров, случайно вышедших на одну площадь.

Сперанский сидел напротив. Он прочитал большую часть показаний и теперь протирает уставшие глаза.

— Тайные общества редко сохраняют единство, — ответил он. — Пока люди обсуждают отвлечённое будущее, разногласия можно скрывать. Но стоит перейти к действиям, и каждый обнаруживает, что товарищ понимает общую цель совершенно иначе.

— Они не могли не понимать, что после успеха начнут воевать друг с другом.

— Некоторые понимали.

— И всё равно вышли?

— Каждый рассчитывал первым захватить власть.

Я поднял протокол Каховского.

— Этот готовился убить меня и Милорадовича. Затем, по его словам, собирался потребовать созыва народных представителей.

— Убийство во имя народного представительства не кажется ему противоречием.

— Фанатики редко замечают противоречия.

— Как и правители.

Я посмотрел на Сперанского.

— Это замечание относится ко мне?

— Пока нет, государь. Но я предпочитаю делать предупреждения заранее.

Вошёл Бенкендорф.

Ночь он провёл на ногах, однако выглядел так, словно только что закончил спокойную прогулку.

— Личность погибшего на складе подтверждена, — сказал он. — Коллежский секретарь Сергей Климов, чиновник интендантского управления. Отвечал за сверку полковых заявок с отчётами подрядчиков.

— Иными словами, видел обе стороны хищений.

— Именно. Три дня назад он отправил семью в Тверскую губернию. Соседям сказал, что получил служебное назначение.

— Был членом масонской ложи?

— В списках, которыми мы располагаем, его нет.

— А Гревс?

— Состоял в ложе «Соединённых друзей». Вышел из неё ещё до официального запрета.

Сперанский взял со стола записку с чёрной печатью.

— Слишком удобно.

— Что именно? — спросил Бенкендорф.

— Масон Гревс, масонский знак возле погибшего и книга, заполненная символами. Преступники словно составляют для нас учебник.

— Возможно, они не рассчитывали, что книга уцелеет.

— Записка в руке Климова уцелела почти полностью, хотя его одежда обгорела.

Я посмотрел на печать.

Сперанский был прав. Бумага не просто пережила пожар. Она оказалась там, где её обязательно должны были заметить.

— Записку вложили ему в руку после смерти? — спросил я.

— Лекарь не обнаружил ожогов на ладони, — ответил Бенкендорф. — Пальцы покрыты копотью снаружи, но бумага внутри почти чистая.

— Значит, вложили.

— По всей видимости.

— После того как огонь ослаб?

— Или до начала пожара, если тело находилось в месте, куда пламя не дошло сразу.

Я поднялся.

— Нам пытаются сообщить, что восстание связано с масонами.

— Оно действительно с ними связано, — сказал Бенкендорф. — Многие заговорщики состояли в ложах.

— Связано — не значит организовано ими, — возразил Сперанский.

— А вы защищаете масонов?

— Я защищаю точность слов. Многие офицеры состояли также в полковых собраниях и литературных кружках. Это ещё не доказывает, что восстание организовали литераторы.

— Некоторые из них именно литераторы, — заметил я. — Рылеев, например.

— Поэт может стать заговорщиком. Из этого не следует, что все поэты — заговорщики.

Бенкендорф сложил руки за спиной.

— Мы можем спорить о словах или допросить тех, кто ещё вчера стоял на площади.

— Не всех сразу, — сказал я. — Начнём с разных групп. По одному человеку от каждой версии будущего.

Через час в соседнем кабинете подготовили место для допросов.

Я отказался от возвышения, парадного мундира и караула за спиной. Между мной и арестованным стоял обычный стол. Сперанский должен был следить за законностью вопросов, Бенкендорф — за достоверностью ответов.

Первым привели поручика Московского полка Андрея Рогова.

Фамилия ничего мне не говорила. Скорее всего, история его не запомнила.

Рогову было не больше двадцати пяти. Он держался прямо, но пальцы заметно дрожали.

— Зачем вы вывели солдат из казарм? — спросил я.

— Чтобы защитить присягу Константину Павловичу.

— Вы знали о его отречении?

— Нам говорили, что отречение подделано.

— Кто говорил?

— Капитан Бестужев.

— А ему?

— Не знаю.

— Вы требовали конституцию?

Рогов растерялся.

— Некоторые кричали.

— Вы знали, что означает это слово?

Он покраснел.

— Основной закон государства.

По крайней мере, не имя жены Константина.

— Вы читали какой-нибудь проект?

— Нет.

— Знали о плане убийства императорской семьи?

— Нет! Клянусь честью!

— Вчера вы уже клялись.

Поручик опустил глаза.

— Я думал, что исполняю прежнюю присягу.

— Почему не потребовали показать письмо Константина?

— Офицер не может сомневаться в слове товарища.

— Может. Особенно когда товарищ зовёт его нарушить приказ командира.

Рогова увели.

Следующим вошёл отставной штабс-капитан, состоявший в Северном обществе. Он говорил о свободе, народном представительстве и необходимости уничтожить произвол. На вопрос о способе достижения свободы ответил:

— Временное правление должно получить всю полноту власти.

— Без закона?

— До учреждения нового закона.

— Без выборов?

— Пока народ не будет подготовлен.

— И кто определит, что он подготовлен?

Арестованный замолчал.

Третий участник хотел республики.

Четвёртый — созыва Земского собора.

Пятый признался, что пришёл на площадь, потому что верил: после победы получит полковничий чин.

Когда последнего увели, я посмотрел на протоколы.

— Пять человек. Пять целей.

— И одна площадь, — сказал Бенкендорф.

— Кто-то сумел привести их туда, не заставляя договориться о будущем.

Сперанский закончил запись.

— Их объединило не будущее.

— А что?

— Неприятие настоящего.

Ответ мне не понравился.

Вероятно, именно поэтому он был важен.

— Этого недостаточно, — возразил я. — Недовольные существовали всегда. Но не каждый день гвардейские полки выходят с оружием.

— Значит, нужен был повод.

— Отречение Константина.

— И люди, распространившие нужную версию событий.

Бенкендорф положил на стол новое донесение.

— Мы установили, кто последним видел Климова живым. Вечером перед пожаром он встречался с Кондратием Рылеевым.

Я перечитал строку.

— Где?

— В доме Российско-американской компании. Разговор продолжался около получаса.

— Рылеев это признал?

— Мы ещё не спрашивали.

За окном начинался зимний рассвет.

Пять версий мятежа объясняли, чего хотели отдельные участники. Ни одна не объясняла, как они поверили, что именно 14 декабря у них есть шанс на победу.

Кто-то снабжал их сведениями.

Кто-то убеждал республиканцев, сторонников монархии, убийц и мечтателей, что разногласия можно отложить.

Кто-то построил мост над пропастью между их целями.

Оставалось найти архитектора.

— Приведите Рылеева, — приказал я.

Глава 3. Поэт и Северный брат

Кондратий Рылеев вошёл без конвоя.

Охрана осталась за дверью, но это ничего не меняло: окна кабинета выходили во внутренний двор, коридор перекрывали гвардейцы, а под одеждой арестованного не могло быть оружия.

Я хотел посмотреть, как он поведёт себя без штыков за спиной.

Рылеев был бледен после бессонной ночи. Держался напряжённо, но не испуганно. В его взгляде не было покорности. Скорее любопытство человека, неожиданно получившего возможность увидеть противника вблизи.

Он поклонился ровно настолько, насколько требовали приличия.

— Садитесь, — сказал я.

Рылеев остался стоять.

— Я предпочту отвечать стоя.

— Как желаете.

На столе между нами лежала обгоревшая книга.

Рылеев заметил её и впервые утратил спокойствие. Всего на мгновение, но Бенкендорф тоже это увидел.

— Вы знаете эту книгу? — спросил я.

— Нет.

— Вчера вечером вы встречались с чиновником Климовым.

— Встречался.

— О чём говорили?

— Он предложил сведения о хищениях в армии.

— Почему вам?

— Он знал о моих взглядах.

— Климов состоял в вашем обществе?

— Нет.

— В масонской ложе?

— Не знаю.

— Что он хотел получить за сведения?

— Защиту.

— От кого?

Рылеев посмотрел на книгу.

— Он не назвал имён.

— Тогда расскажите то, что назвал.

— Климов утверждал, что через интендантские поставки тайно переводятся деньги.

Часть средств шла людям, не имевшим отношения к армии.

— Кому именно?

— Посредникам. Владельцам домов, курьерам, некоторым офицерам.

— Заговорщикам?

— Возможно.

— Вы не спросили?

— Я спросил. Он испугался и ушёл.

Бенкендорф заговорил впервые:

— Свидетель видел, как вы передали Климову конверт.

Рылеев повернулся к нему.

— Там было рекомендательное письмо.

— К кому?

— Я не отвечу.

— Почему?

— Потому что этот человек не участвовал в восстании.

— Климов погиб, — сказал я. — Склад, где он находился, подожгли. Если ваше письмо привело его туда, молчанием вы защищаете убийцу.

Рылеев побледнел ещё сильнее.

— Погиб?

Я наблюдал за его лицом. Изумление выглядело настоящим.

— Его нашли в сгоревшем складе.

— Он не должен был туда возвращаться.

— Куда должен был отправиться?

Рылеев закрыл глаза.

Несколько секунд в кабинете было слышно только потрескивание дров в камине.

— К человеку, которого называли Севером, — произнёс он.

Бенкендорф взял перо.

— Имя?

— Не знаю.

— Вы передаёте рекомендательные письма человеку, имени которого не знаете?

— Я видел его дважды. Он приносил сведения из дворца.

— Какие сведения? — спросил я.

Рылеев посмотрел прямо на меня.

— О болезни Александра Павловича. Об отказе Константина от престола. О сроках новой присяги.

— Эти сведения были достоверны?

— Да.

— Все?

Рылеев не ответил.

Я открыл один из протоколов.

— Вам также сообщили, что Сенат откажется присягать мне, несколько полков поддержат выступление, а Трубецкой получит возможность взять командование столицей.

— На тот момент мы считали сведения надёжными.

— Вы считали надёжным человека без имени?

— Его первые сообщения подтверждались.

Вот как это делалось.

Сначала неизвестный давал несколько точных сведений, не требуя ничего взамен. Когда источник приобретал доверие, к правде добавлялась ложь.

Старая схема. Она пережила века и технологии.

— Как выглядел Север? — спросил я.

— Среднего роста. Голос негромкий. Держался как военный, но мундира при мне не носил.

— Возраст?

— От тридцати до пятидесяти.

— Лицо?

— Он встречался в полутёмных комнатах. Иногда закрывал нижнюю часть лица шарфом.

Бенкендорф нахмурился.

— И вы не потребовали открыться?

— Мы получали сведения, которых не мог знать случайный человек.

— Человек, знающий государственную тайну, не обязательно является вашим союзником, — сказал я.

— Теперь я это понимаю.

— Слишком поздно.

Рылеев сжал губы.

— Для нас — да.

— А для России?

Он промолчал.

Я положил перед ним найденную у Климова записку.

— Этот знак вам знаком?

Рылеев наклонился. Его взгляд задержался на сломанном циркуле.

— Видел однажды.

— Где?

— На письме Севера.

— Что означает?

— Не знаю.

— Масонский символ?

— Похож.

— Вы состояли в ложе?

— Состоял.

— В какой?

Он назвал её.

— Север был масоном?

— Он употреблял слова, знакомые членам лож. Называл собеседников братьями, говорил о камнях, свете и строительстве.

— Это мог выучить любой.

— Мог.

Сперанский поднял голову от протокола.

— В старых ложах использовали знак сломанного циркуля?

— Мне такой неизвестен, — ответил Рылеев.

— Почему же вы доверяли Северу?

— Не из-за знаков. Он показывал документы.

— Подлинные?

— Я полагал, что подлинные.

Я выдвинул лист бумаги.

— Нарисуйте печать, которую видели.

Рылеев взял перо. Его рука не дрожала.

Он изобразил окружность, угольник, циркуль с повреждённой правой ножкой и поставил под ними три точки.

Рисунок совпал с печатью на записке Климова.

— Когда вы видели её в последний раз? — спросил я.

— Тринадцатого декабря.

— За день до выступления.

— Да.

— Что было в запечатанном письме?

— Последнее сообщение Севера. Он утверждал, что утром Сенат откажется присягать, а верные Константину части окружают дворец.

— Но Сенат присягнул мне раньше, чем вы вывели солдат.

— Мы узнали об этом слишком поздно.

— Трубецкой знал?

— Не могу сказать.

— Не можете или не хотите?

— Не знаю.

Рылеев положил перо.

— Государь, вы можете считать нас преступниками. После вчерашнего у вас есть на это право. Но мы не были наёмными исполнителями Севера.

— Он использовал вас.

— Возможно.

— Он сообщил точные сведения о престолонаследии, затем солгал о поддержке Сената и полков. Он знал, что вы пойдёте на площадь.

— Мы приняли решение сами.

— Именно поэтому вами было легко управлять. Вам не приказывали. Вам показали дорогу, по которой вы уже хотели идти.

Рылеев молчал.

— Зачем Северу понадобилось ваше поражение? — спросил я.

— Откуда вы взяли, что ему было нужно поражение?

Я развернул обгоревшую страницу.

Слова читались плохо, но фразу можно было разобрать:

«На второй круг. После крови».

Рылеев перечитал её несколько раз.

— Я этого не видел.

— Верю.

— Почему?

— Потому что человек, знающий о собственном поражении заранее, не стоял бы сейчас передо мной.

На лице Рыльева появилось горькое выражение.

— Вы полагаете, что нас намеренно отправили на смерть?

— Я полагаю, что кто-то выделил деньги на события, которые должны были начаться после кровопролития.

— Какого рода события?

— Это я намерен выяснить.

Я забрал рисунок печати.

— Где проходили встречи с Севером?

Рылеев назвал два адреса. Один находился неподалёку от дома Российско-американской компании. Второй — в съёмной квартире на Офицерской улице.

Бенкендорф передал сведения ожидавшему за дверью помощнику.

— Последний вопрос, — сказал я. — Климов сообщил вам что-нибудь ещё?

Рылеев помедлил.

— Он сказал, что деньги со складов идут не на подготовку восстания.

— А на что?

— На его последствия.

— Точные слова.

— «Им нужна не победа общества. Им нужен испуганный император».

Я почувствовал холод, не имевший отношения к зиме.

— Почему вы не сообщили об этом своим товарищам?

— Не успел. Климов обещал принести доказательства после выступления.

— Он считал, что вы победите?

— Нет.

Рылеев опустил глаза.

— Он сказал, что к вечеру четырнадцатого декабря большая часть руководителей общества будет мертва или арестована.

Бенкендорф перестал писать.

— И вы всё равно вышли на площадь? — спросил я.

— Я решил, что он пытается нас запугать.

— Потому что поверить в предупреждение означало отказаться от поступка, который вы уже считали великим?

Рылеев ничего не ответил.

Его увели.

Я подошёл к окну.

Внизу, на дворцовой площади, гвардейцы отрабатывали смену караула. Ровные ряды, одинаковые движения, блеск оружия. Издали государство выглядело идеальным механизмом.

Только внутри его шестерён лежали поддельные ведомости, пропавшие деньги и мёртвые чиновники.

— Испуганный император, — повторил Бенкендорф. — Что от него хотели получить?

— Чрезвычайные полномочия для тех, кто обещал бы защитить престол, — ответил Сперанский.

— У императора и без того достаточно полномочий.

— На бумаге. Но даже самодержец зависит от людей, которые исполняют его волю. После кровавого мятежа государь доверил бы безопасность тем, кто первым предложил готовую систему надзора.

Я обернулся.

— Тайную полицию.

— Вероятно.

Бенкендорф не отвёл взгляда.

В другой истории именно он возглавит Третье отделение.

Но теперь история уже шла иначе.

— Найдите дома, где встречались с Севером, — приказал я. — Без обысков у соседей и массовых задержаний. Тот, кто нам нужен, рассчитывает на панику.

— А если помещения пусты?

— Пустая комната тоже оставляет следы.

Бенкендорф направился к двери.

— Александр Христофорович.

Он остановился.

— Проверять будете не один. Сперанский назначит человека, который составит отдельный протокол всего найденного.

— Вы мне не доверяете?

— Доверяю. Поэтому не хочу, чтобы однажды мне пришлось выбирать между вашим словом и чужим обвинением.

Бенкендорф помолчал, затем поклонился.

Когда дверь закрылась, Сперанский спросил:

— Вы подозреваете его?

— Я подозреваю систему, в которой доказательства находятся в руках одного человека.

На столе лежал нарисованный Рылеевым сломанный циркуль.

Масонский знак обещал строительство совершенного мира.

Кто-то сломал одну его ножку.

Возможно, потому, что собирался строить только для себя.

Глава 4. Ложа, которой нет

Указ о запрете масонских лож был подписан Александром в 1822 году.

На бумаге всё выглядело просто: тайные общества закрывались, их члены давали обязательство больше не участвовать в подобных объединениях, документы передавались властям.

На деле государство запретило то, чего почти не понимало.

Архив хранился в одном из зданий Министерства внутренних дел. Нас встретил пожилой чиновник Павел Андреевич Лینیцкий — сухой, сутулый человек с пальцами, навсегда испачканными чернилами.

Он заведовал бумагами закрытых лож и, судя по выражению лица, считал живых людей неприятным дополнением к документам.

— Здесь всё, что было передано после высочайшего указа, — сообщил он.

Перед нами тянулись шкафы с папками, книгами и свёрнутыми уставами.

— Всё? — переспросил я.

Линицкий поправил очки.

— Всё поступившее на хранение.

— Это не то же самое.

— Не все ложи представили полные архивы.

— Их проверяли?

— Требовали письменные объяснения.

— А сами помещения осматривали?

Чиновник посмотрел на меня с выражением человека, которому предложили проверить честность авторов арифметическими действиями.

— Такой порядок не устанавливался.

Иными словами, членам тайных обществ приказали добровольно сдать тайные документы, после чего поверили их письменному заверению, что они ничего не скрыли.

Империя снова пыталась управлять реальностью через правильно составленную бумагу.

Линицкий разложил перед нами списки.

Фамилии шли столбцами. Военные, чиновники, литераторы, придворные. Среди них встречались будущие декабристы, но рядом стояли люди, не имевшие к восстанию никакого отношения.

— Если арестовать всех, кто состоял в ложах, — сказал Сперанский, — придётся освободить половину государственных учреждений.

— Возможно, они после этого начнут работать лучше, — заметил Бенкендорф.

— Или перестанут работать вовсе.

Я перелистывал список.

Масонство было удобным объяснением. Тайные клятвы, закрытые собрания, непонятные символы. Достаточно произнести слово «ложа», и сложные причины восстания превращались в простой заговор нескольких десятков посвящённых.

Но слишком простое объяснение часто создавали специально для того, чтобы прекратить поиски.

— Покажите дело ложи «Трёх добродетелей», — приказал я.

Линицкий нашёл папку.

Она оказалась тоньше, чем должна была быть.

В описи значились протоколы собраний, список членов, переписка руководителей, финансовые отчёты и книга посещений. Внутри лежали только список и часть переписки.

— Где остальное?

Архивист побледнел.

— Должно находиться здесь.

— Но не находится.

— Возможно, документы передавали для изучения.

— Кому?

Линицкий открыл журнал выдачи.

Несколько лет папку никто не запрашивал. Затем, за три месяца до смерти Александра, её получил чиновник особых поручений Министерства внутренних дел.

Имя было выведено неразборчиво. Подпись состояла из одной длинной черты и трёх точек.

Тех же трёх точек, что стояли на печати Севера.

— Кто этот чиновник? — спросил Бенкендорф.

— Не могу установить по подписи.

— Вы выдавали ему дело?

— Не я. Мой помощник.

— Где он?

Линицкий отвернулся к шкафам.

— Умер в прошлом месяце.

— От чего?

— Горячка.

— Кто-нибудь видел врача?

— Полагаю...

— Не полагайте. Узнайте.

Я взял журнал. Бумага в месте подписи была потёрта, словно кто-то пытался удалить часть записи.

— Папку вернули?

— Судя по журналу, да.

— Кто проверил комплектность?

— Помощник.

— Тот, который умер?

— Да, ваше величество.

Бенкендорф начал просматривать соседние дела. В трёх папках также не хватало документов. Все они относились к ложам, где когда-либо состояли будущие участники тайных обществ.

Сперанский изучал сохранившиеся списки.

— Обратите внимание, — сказал он. — Членство большинства заговорщиков прекратилось до закрытия лож. Некоторые были исключены за попытки обсуждать вопросы, не предусмотренные уставом.

— Какие вопросы?

— Изменение государственного устройства, освобождение крестьян, пределы власти монарха.

— Значит, ложи были недостаточно революционными для декабристов? — спросил Бенкендорф.

— Многие руководители масонства опасались открытых разговоров о государственных переменах. Их интересовали нравственное совершенствование, благотворительность и обряды. Молодые офицеры считали этого недостаточным.

— Но связи у них остались.

— Несомненно. Ложи научили их создавать закрытые ячейки, узнавать друг друга, соблюдать ритуалы и хранить переписку. Они дали форму, но не обязательно цель.

Я посмотрел на ряды шкафов.

— Значит, тайные общества декабристов выросли из масонских лож?

— Отчасти, — ответил Сперанский. — Однако корни не следует путать с рукой, которая направляет ветви.

— Красиво сказано.

— Красивые слова иногда бывают точными.

Линицкий принёс ещё одну коробку.

— Здесь хранятся предметы, изъятые после закрытия лож.

Внутри лежали фартуки, ленты, печати, молотки председателей, циркули и металлические знаки.

Мы сравнили их с рисунком Рылеева.

Ни один не совпал.

— Сломанный циркуль не использовался? — спросил я.

— Не встречал такого, — ответил архивист. — Циркуль означает меру, порядок и правильное устройство. Сломанный инструмент имел бы дурной смысл.

— Какой?

Линицкий задумался.

— Строительство без меры. Или отказ подчиняться общему чертежу.

Бенкендорф достал из коробки печать с тремя точками.

— А это?

— Точки часто ставят в сокращениях масонских слов. Но сами по себе они ничего не доказывают.

— Удобная система, — сказал Бенкендорф. — Любой знак может означать всё или ничего.

— Как военный шифр, если не знать ключа.

Я перелистывал сохранившуюся переписку. Большая часть состояла из рассуждений о добродетели, милосердии и обязанностях человека. За возвышенными словами иногда скрывались обиды, соперничество и борьба за должности внутри ложи.

Люди оставались людьми даже в поисках совершенства.

На одном из листов я заметил карандашную отметку: окружность и одна сломанная линия.

— Это сделано позднее, — сказал Линицкий. — В старых документах карандаш почти не использовали.

Под знаком стояла дата: 1825.

Рядом — буква «С».

— Север? — предположил Бенкендорф.

— Или склад, — сказал я. — Или сумма. Или имя. Пока мы не знаем.

Сперанский осмотрел лист на свет.

— Здесь что-то было написано на другой стороне лежавшей сверху бумаги. Остался след нажима.

В моей прежней жизни для такого существовали специальные лампы и цифровая обработка. Здесь имелись свеча, угольная пыль и руки архивиста.

Линицкий положил сверху тонкий лист и осторожно провёл по нему мягким графитом.

Постепенно проявились вдавленные строки:

«Три полка готовы».

«Сенат задержит присягу».

«Т. принимает командование».

«После залпа — второй круг».

Последняя фраза совпадала с записью в обгоревшей книге.

— Документ составляли здесь? — спросил я.

Архивист побледнел.

— Не обязательно. Бумагу могли принести уже исписанной.

— Кто имел доступ к этой папке после её возвращения?

— Я, мой помощник, директор департамента и лица с письменным разрешением министра.

— Список.

Линицкий принёс журнал посещений.

За последние три месяца с делами работали семь человек.

Один умер.

Двое находились за границей.

Трое занимали высокие должности в министерствах.

Седьмой был князем Сергеем Трубецким.

Тем самым диктатором восстания, который не пришёл командовать собственной армией.

— Когда он посещал архив? — спросил я.

— Двадцать второго ноября.

Меньше месяца назад.

— Что смотрел?

Линицкий провёл пальцем по строке.

— Дела нескольких лож и документы о запрете тайных обществ.

— Один?

— С ним был чиновник, представивший разрешение министра.

— Имя?

В журнале стояла знакомая черта и три точки.

Север.

— Подготовьте помещение для допроса Трубецкого, — сказал я Бенкендорфу.

— Немедленно?

— Немедленно.

Сперанский закрыл папку.

— Если князь участвовал в этих записях, почему не уничтожил следы?

— Потому что не знал, что они остались.

— Или потому что следы должны привести нас к нему.

Я посмотрел на пустые места в архивном деле.

Противник не просто скрывал документы. Он оставлял ровно столько, сколько нам следовало найти.

Кто-то выстраивал расследование как коридор, заставляя нас двигаться в выбранную сторону.

— С этого момента, — приказал я, — ни одной найденной улике не верить, пока не установлено, кем и зачем она оставлена.

Бенкендорф усмехнулся:

— Так мы можем не поверить даже подлинному признанию.

— Особенно признанию.

Из глубины архива донёсся глухой стук.

Все повернулись.

Линицкий нахмурился.

— Там никого не должно быть.

Бенкендорф вытащил пистолет. Его помощники бросились между шкафами.

Через несколько секунд послышался крик:

— Дверь открыта!

В задней стене архива обнаружился узкий служебный выход во внутренний двор. Замок был взломан совсем недавно.

На снегу остались следы.

Неизвестный находился в архиве вместе с нами и ушёл, когда понял, какое дело мы изучаем.

Север или его человек снова оказался на шаг впереди.

Глава 5. Диктатор без армии

Князь Сергей Трубецкой выглядел человеком, которого больше всего мучило не поражение, а собственное отсутствие на месте поражения.

Он не пытался изображать героя. Не отрицал участия в Северном обществе и не утверждал, что случайно оказался среди заговорщиков. Но на каждый вопрос о четырнадцатом декабря отвечал так, словно описывал действия другого человека.

— Меня избрали диктатором, — сказал он. — Однако это название не означало неограниченной власти.

— А что оно означало?

— Общее руководство выступлением.

— Которое вы осуществляли, находясь в другом месте.

Трубецкой опустил глаза.

Допрос проходил в небольшой комнате Зимнего дворца. Рядом сидели Сперанский и Бенкендорф. Я намеренно не сообщил князю, что его имя нашли в журнале масонского архива.

— Почему вы не пришли на площадь? — спросил я.

— Я понял, что план обречён.

— Когда?

— Утром.

— До выхода Московского полка?

— Да.

— Почему не остановили товарищей?

— Они бы меня не послушали.

— Вы были их диктатором.

— Это слово значило больше для них до начала действий.

— А после начала не значило ничего?

Трубецкой промолчал.

Я подвинул к нему лист бумаги.

— Напишите последовательность событий утра. С указанием времени, людей и мест.

— Я уже давал показания.

— Теперь дадите точные.

— Я не следил за часами.

— Тогда обозначайте приблизительно.

Он взял перо.

Писал медленно. Несколько раз останавливался, вспоминая.

Около семи утра к нему пришёл посыльный. Передал записку без подписи. Прочитав её, Трубецкой отправился не к казармам, а к начальнику Главного штаба, затем пытался найти Милорадовича. Позже укрылся в доме австрийского посланника.

— Где записка? — спросил я.

— Уничтожил.

Ложь прозвучала слишком быстро.

— Сожгли?

— Да.

— В печи?

— Да.

— Почему?

— Она содержала имена.

— Чьи?

— Не помню.

— Вы запомнили, что там были имена, но забыли какие?

Князь сжал перо.

Бенкендорф молча положил на стол небольшой конверт.

Его нашли при обыске в тайнике письменного стола Трубецкого.

— Вы уничтожили другую записку? — спросил я.

Князь посмотрел на конверт и побледнел.

— Прочтите, — приказал я.

Бенкендорф развернул бумагу:

— «План изменён. Сенат присягнёт до появления полков. Поддержки Финляндского полка не будет. После первого выстрела артиллерия откроет огонь. Диктатор должен отсутствовать. Это единственный способ сохранить управление для второго круга».

Подписи не было.

Внизу стояли сломанный циркуль и три точки.

— Кто передал записку? — спросил я.

— Не знаю.

— Посыльный?

— Мальчик лет двенадцати. Уличный оборванец.

— Почему вы поверили?

— Я проверил часть сведений. Сенат действительно собирались привести к присяге раньше, чем мы ожидали.

— Откуда автор мог это знать?

— Из дворца или Сената.

— Что такое второй круг?

— Я не знаю.

— Эти же слова найдены в бухгалтерской книге и записке погибшего чиновника.

Трубецкой поднял голову.

— Погибшего?

— Люди, способные подтвердить существование Севера, начинают умирать. Следующим можете стать вы.

Впервые в глазах князя появился настороженный.

Пока лакей нёс шкатулку, кто-то проник к комнатам моей семьи. Не для убийства — пока нет. Для доказательства, что может это сделать.

Я повернулся к Бенкендорфу:

— Закрывать выходы из дворца.

— Никого не выпускать?

— Никого. Но без объявления тревоги.

— Во дворце несколько сотен человек.

— Значит, проверять будем несколько сотен.

Сперанский указал на списки:

— Именно этого они и хотят. Запереть дворец, вызвать страх и заставить всех подозревать друг друга.

— Знаю.

— Тогда почему исполняете их замысел?

— Потому что противник считает, что я начну хватать людей без разбора.

Я сложил листы обратно в шкатулку.

— А мы будем искать конкретные действия. Кто знал о тайной комнате. Кто отправил Круглова. Кто открыл окно. Кто перерезал шнур. Кто забрал горничную. Не взгляды, не знакомства и не старые членства в ложах. Только поступки.

Бенкендорф кивнул.

— А если исполнитель уже покинул дворец?

— Значит, внутри остался тот, кто его предупредил.

В коридоре зазвучали шаги гвардейцев.

Второй круг действительно начался во дворце.

Но его создатели ошиблись в одном.

Они пытались напугать молодого императора, который только вчера оказался перед угрозой мятежа.

Вместо него шкатулку открыл человек, много лет разбиравший ловушки, заложенные в самых обычных комнатах.

Я снова посмотрел на печать.

Сломанный циркуль.

Инструмент, потерявший способность проводить правильную окружность.

— Александр Христофорович, — сказал я, — принесите план дворца. Полный. Со всеми лестницами, печами, переходами и ремонтными ходами.

— Такого плана может не существовать.

— Тогда составим.

— За одну ночь?

— У нас меньше времени.

Милорадович подошёл к окну и осмотрел раму.

— След на краске свежий. Кто-то спускался снаружи или хотел, чтобы мы так решили.

— Проверить крышу, — приказал я.

Сперанский всё ещё изучал список.

— Здесь допущена ошибка.

— Какая?

— Имена расположены не по алфавиту, не по должностям и не по степени предполагаемой опасности.

— Тогда в каком порядке?

Он положил листы рядом.

Первым стоял Бенкендорф. Затем Милорадович. Потом Сперанский. Дальше командующий гвардейской артиллерией, сенатор, дворцовый комендант и императрица.

Я понял раньше, чем он закончил объяснение.

Это был не список заговорщиков.

Это была последовательность устранения людей, которые могли помешать перевороту.

— Семь целей, — сказал Бенкендорф.

— Семь колонн, — добавил Сперанский.

Я перевернул последний лист.

На обороте находилась ещё одна строка:

«Когда падут семь опор, Архитектор войдёт через главную дверь».

Теперь у нашего противника появилось имя.

Не настоящее — должность.

Архитектор.

Человек, который не собирался разрушать империю. Он хотел убрать её несущие опоры, чтобы затем предложить собственный чертёж.

Где-то внутри Зимнего дворца находился его агент.

До рассвета оставалось меньше пяти часов.

Глава 6. Семь опор

До рассвета оставалось четыре часа.

В подземном кабинете Зимнего дворца горели пять свечей. Шестую я не зажигал: пламя отражалось в оконном стекле, а мне казалось, что любой лишний огонёк может выдать наше присутствие тем, кто наблюдает за дворцом.

На столе лежали семь листов.

Бенкендорф. Милорадович. Сперанский. Командующий гвардейской артиллерией. Сенатор. Дворцовый комендант. Императрица.

Я перечитал список ещё раз.

— Вы уверены, что это цели? — спросил Зорин.

— Нет.

— Но несколько минут назад вы сказали...

— Я сказал, что это последовательность устранения людей. Это ещё не доказывает, что все они должны умереть.

Софья Бельская сидела у дальней стены и рассматривала лист под увеличительным стеклом.

— Здесь есть ещё одна закономерность, — сказала она.

— Какая?

— У каждого имени стоит знак. Вот этот похож на латинскую букву «V». У Бенкендорфа — один. У Милорадовича — два. У Сперанского — три.

— Порядок действий?

— Возможно. Но возле имени императрицы знаков семь.

— Почему именно семь?

Софья пожала плечами.

— Потому что семь — важное число для многих тайных обществ. Семь ступеней, семь печатей, семь светильников. Вопрос в том, какое значение вкладывал в него автор.

Я посмотрел на первый лист.

— «Когда падут семь опор, Архитектор войдёт через главную дверь».

Надпись была сделана тем же почерком, что и записка, найденная у одного из арестованных заговорщиков. Тонкие буквы, почти без нажима, но с необычно длинными верхними штрихами.

Я видел такой почерк раньше.

На протоколах допросов.

В письмах, перехваченных у членов Северного общества.

И в одном документе, который официально никогда не существовал.

— Нужно предупредить Бенкендорфа, — сказал Зорин.

— Нет.

— Государь, если он в списке...

— Именно поэтому мы не должны сообщать ему, что он в списке.

Зорин нахмурился.

— Это уже похоже на недоверие к собственному начальнику тайной полиции.

— Это похоже на попытку не дать противнику узнать, что мы нашли его план.

Я взял первый лист и поднёс его к свече. Бумага была плотной, дорогой. На просвете виднелась водяная метка: два треугольника, соединённых основаниями.

— Бумага масонская? — спросил я.

Софья покачала головой.

— Нет. Бумага изготовлена в Риге для коммерческого банка. Но знак нанесён позднее.

— Кем?

— Точно не скажу. Чернила содержат смолу и железную соль. Они темнеют со временем. Автор хотел, чтобы надпись пережила несколько лет.

— Значит, список составили не вчера.

— Возможно, в год восстания.

Комната словно стала холоднее.

Я вспомнил декабрьскую площадь. Белый снег, ряды войск, напряжённое ожидание, лица офицеров, которые ещё утром считали себя верными присяге. В моей прежней памяти восстание было отчаянной попыткой небольшой группы изменить государственный строй. В этой истории многое удалось остановить до того, как кровь стала морем.

Но теперь возникал вопрос: кто использовал заговорщиков?

И были ли они сами уверены, что знают конечную цель?

— Сколько времени нужно, чтобы проверить всех семерых? — спросил я.

— Если действовать открыто — сутки, — ответил Зорин. — Если скрытно — трое.

— У нас нет ни суток, ни троих суток.

— Тогда начать с Бенкендорфа.

— Начать с императрицы.

Зорин резко поднял голову.

— Государь?

— Если враг действительно выстроил последовательность, он ожидает, что мы начнём с первого имени. Значит, первый удар может быть отвлекающим.

Я подошёл к карте дворца.

У императрицы утром была назначена поездка в госпиталь. Маршрут проходил через Летний сад, затем вдоль набережной. Дорога была удобной для покушения: узкие ворота, высокие стены, мало случайных свидетелей.

— Отменить поездку нельзя, — сказал я. — Это покажет, что мы обнаружили угрозу.

— Тогда заменить маршрут?

— Нет. Оставить прежний.

Зорин смотрел на меня так, словно я предложил подставить императрицу под выстрел.

— Мы устроим ловушку, — пояснил я. — Но не для стрелка.

Я разделил листы.

— Бенкендорфа предупредить через его адъютанта, не сообщая содержания. Пусть сегодня не меняет распорядок, но наблюдает за собственной охраной. Милорадовичу отправить приказ явиться ко мне в девять утра. Сперанскому — срочное приглашение.

— А остальные?

— Пусть думают, что о них забыли.

Софья поднялась.

— Если среди них действительно есть агент, он передаст сведения о первых трёх.

— Именно это нам и нужно.

— Вы хотите использовать их как приманку?

— Нет. Я хочу проверить, кто станет ждать приказа, а кто начнёт действовать самостоятельно.

Зорин собрал бумаги.

Когда он уже подходил к двери, я остановил его:

— Константин.

— Да?

— Не ставь своих людей возле дворцовых ворот. Пусть охраняют не входы, а тех, кто имеет к ним доступ.

Он понял.

Самая опасная дверь дворца могла открыться изнутри.

После его ухода я остался с Софьей.

— Вы верите, что Архитектор существует? — спросила она.

— Я верю, что кто-то собрал людей, деньги и сведения в единую сеть.

— Это не ответ.

— Если Архитектор — один человек, его можно убить. Если это название группы, её придётся разрушить. Но если это идея, она переживёт всех нас.

Софья посмотрела на семь листов.

— А если восстание было только первым этажом?

— Тогда сейчас мы ищем лестницу.

За окном начало светлеть.

Где-то в городе звонили первые колокола. Петербург просыпался, не подозревая, что в эту ночь его судьба снова оказалась в руках нескольких людей и нескольких листов бумаги.

Я спрятал список во внутренний карман.

На обратной стороне последнего листа обнаружилась едва заметная надпись:

«Не ищите тех, кто стрелял. Ищите тех, кто знал, что выстрелов будет недостаточно».

Глава 7. Ключ Соломона

К девяти часам утра дворец уже жил обычной жизнью.

Курьеры приносили донесения. Министры спорили о поставках хлеба. Офицеры сменяли караулы. В приёмных ждали просители.

Только в моём кабинете все часы показывали разное время.

Это было сделано намеренно. Если кто-то получит доступ к кабинету и посмотрит на часы, он решит, что встреча ещё не началась или уже закончилась. Небольшая предосторожность, но в тайной работе мелочей не бывает.

Первым прибыл Михаил Андреевич Милорадович.

Он вошёл без свиты, опираясь на трость. Пуля, полученная им на Сенатской площади, навсегда оставила его хромым. В прежней истории этот выстрел стал смертельным. В изменённой — лишь превратил бывшего военного губернатора в человека, который ненавидел закрытые двери и неподписанные распоряжения.

— Государь, — сказал он, — если вы вызвали меня для очередного обсуждения гвардии, то предупреждаю: гвардия ничего не знает и знать не желает.

— Поэтому я вас и вызвал.

Он усмехнулся.

— Вы всё ещё подозреваете офицеров?

— Я подозреваю тех, кто умеет говорить от имени офицеров.

Милорадович снял перчатки.

— Восстание закончилось.

— Нет.

Он замолчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.